

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ СРЕДА, 15 МАРТА 1872 ГОДА. **6.**

ПОУЧЕНІЕ

О НЕПРЕРСТАННОМЪ ПАМЯТОВАНІИ ГОСПОДА БОГА.

Вся дни, чадо, Господа Бога нашего помни... И на всякое время благослови Господа Бога (Тов. 4, 5, 19).

Такъ внушалъ, такъ заповѣдывалъ нѣкогда мужъ по сердцу Божію, праведный Товитъ сыну своему, указывая ему тѣмъ на тѣснѣйшую, внутреннюю связь между Творцемъ и тварію, на ближайшее отношеніе человѣка къ Богу: *вся дни, чадо, Господа Бога нашего помни... И на всякое время благослови Господа Бога!*

Ахъ! сколько обязательной силы, сколько высокаго и сладостнаго назиданія заключаетъ въ себѣ и для всѣхъ насъ, братіе, это наставленіе праведнаго Товита! Вникнемъ только въ смыслъ и сущность его, и мы поймемъ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, необходимо и какъ благотворно для человѣка непрестанно помнить Господа Бога и всегда благославлять всещедрую руку Его.

Вся дни, чадо, Господа Бога нашего помни... И на всякое время благослови Господа Бога!

Міръ этотъ, въ которомъ мы живемъ, какъ въ полномъ составѣ своемъ, такъ и во всѣхъ частяхъ своихъ, есть одинъ великій домъ Божій, образуетъ собою одно обширное царство Господне.

Хозяинъ и главный распорядитель въ этомъ домѣ, Царь и главный правитель въ этомъ царствѣ есть самъ Тріединный Господь Богъ, въ Троицѣ Святыи Славимый. Все въ мірѣ семъ какъ въ началѣ произошло и совершилось по волѣ и устроению Бога Отца, чрезъ Сына Его, Христа Спасителя нашего, во Святомъ Духѣ: такъ точно и теперь, и во всей вселенной и на обитаемой нами землѣ, все отъ мала до велика, — все творится и благоустраивается по прозрѣнію Бога Отца, благоволеніемъ Бога Сына, силою и наитіемъ Святаго Духа. Безъ вѣдома и соизволенія, безъ содѣйствія и поущенія Домовладыки и Господа всеяческихъ, ничто не происходитъ и не совершается во вселенной; Его благоволительный взоръ, Его отеческая попечительность простираются на всѣ твари вообще и на каждое существо порознь; Его любвеобильное всевѣдѣніе, Его благодатное всеприсутствіе и спасительное промышленіе объемлютъ и проникаютъ собою все во всей вселенной; въ общемъ ходѣ міровой жизни, все поддерживаютъ, всему даютъ движеніе къ добру, все направляютъ къ благимъ цѣлямъ. Міръ этотъ, *повышенный на ничтожество*, земля эта, основанная на водахъ, давно низринутись бы въ бездну, давно обратились бы въ хаосъ и ничтожество, если бы только не поддерживала ихъ всеильная рука Творца и Домовладыки Господа.

Все безобразное и нестройное, все злое и неприятое, примѣчаемое нами нынѣ въ мірѣ, въ человѣкѣ и около него, — все это есть слѣдствіе страстей нашихъ, своевольное произведеніе самаго человѣка; отъ Бога же, какъ отъ чистаго и совершеннѣйшаго добра, п прежде происходило и теперь

происходит все только чистое, все только доброе и святое; во всѣхъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ Божественнаго міроуправленія ясно видимъ безпредѣльную милость, благодѣтельность и любовь Господа Бога; куда ни обратимъ взоръ свой, вездѣ и повсюду усматриваемъ всещедрую и благодѣющую десницу Божию; даже въ наказаніяхъ, даже въ пораженьяхъ, въ несчастіяхъ и бѣдствіяхъ человѣческихъ, видимъ любовь и благодѣтельность Божию: поражая, Господь Богъ не въ конецъ поражаетъ человѣка, — наказуешь, одно и опять милуешь грѣшника по великой милости Своей, *не отъ сердца, неохотно преогорчается сыновъъ человеческихъ* (Плач. Іер. 3, 32.), но только какъ бы вынужденный опаснымъ состояніемъ ихъ грѣховности, наказаніями и бѣдствіями, вразумляетъ заблудшихъ, пробуждаетъ усыпленныя души, смягчаетъ огрубѣвшія и ожесточившія сердца, подобно тому, какъ врачъ дѣлаетъ иногда болѣзненныя, но спасительныя прижитанія и отсѣченія въ отвердѣвшихъ и загрубѣвшихъ нарастахъ нашего тѣла.

Въ христіанскомъ мірѣ, въ этомъ, самимъ Богомъ насажденномъ и великолѣпно украшенномъ, возлюбленномъ вертоградѣ Господнемъ, благодѣтельность и любовь Божія, милости и щедроты Отца Небеснаго открываются еще очевиднѣе, проявляются еще разительнѣе. Тутъ благодать Божія охраняетъ и защищаетъ христіанъ, упокоиваетъ и улаживаетъ ихъ, точно, какъ кокошь птенцевъ своихъ, какъ мать дѣтей своихъ. Какъ небо распростерто надъ землею, такъ благодать Божія владычественно всюду прикрываетъ христіанъ. Отъ среды земли куда ни посмотришь, вездѣ и повсюду видишь небо, — небо вверху и внизу, небо впереди и сзади, небо справа и слѣва: такъ точно и въ мірѣ христіанскомъ вездѣ и повсюду ясно видимъ милость и благодѣтельность Божию къ грѣшному человечеству. Сколько милостей и щедротъ, сколько благодѣяній и утѣшительнѣй истинно и дѣйствительно преподается христіанамъ, на-

примѣръ, въ Святыхъ таинствахъ церкви, въ крещеніи и миропомазаніи, въ покаяніи и причащеніи, въ священствѣ, въ бракѣ и слесвященіи? Какая сила, радующая и услаждающая, какая благодать, оживляющая и освящающая, заключается въ Словѣ Божіемъ, — въ Священномъ Писаніи для всякаго, съ вѣрою и вниманіемъ слушающаго и читающаго оное? Далѣе, кто въ состояніи изобразить и описать всю силу и полноту тѣхъ высочайшихъ благъ, какія христіанинъ тѣлесно и духовно получаетъ отъ креста и крестнаго знаменія? Наконецъ, что сказать о небесныхъ приставникахъ нашихъ, святыхъ Ангелахъ - Хранителяхъ? Ахъ! много, невыразимо много доставляютъ они христіанамъ силы и могущества, небесной теплоты и божественныхъ утѣшеній на скорбномъ пути нашей жизни.

Такъ видите, бр., *въ руку Господней — душа всѣхъ живущихъ и духъ всякаго человека* (Іов. 12, 10); въ десницѣ Божіей — вся наша жизнь, всѣ ея судьбы и перемѣны. Господь Богъ, какъ Творецъ и Промыслитель, милуетъ и хранитъ всѣхъ и все во вселенной, но особенно любитъ и бережетъ, *яко зѣнущу ока*, весь христіанскій міръ, такъ что безъ воли Его и волосъ съ головы нашей не погибаетъ. Какъ жѣ, послѣ сего, не помнить намъ Его, милосердаго Отца и Владыку нашего? Какъ не благословлять, какъ не благодарить намъ Его на всякое время, непрестанно и ежеминутно? *Яко очи рабъ — въ руку господій своихъ, яко очи рабыни — въ руку господа своего; тако очи и сердца наши всегда и вездѣ, вездѣло* — и безраздѣльно должны быть устремлены *ко Господу Богу нашему*. Если неразумное животное — волъ знаетъ хозяина своего и осель ясли господина своего: то намъ ли не помнить *вся дни* Господа Бога нашего? Намъ ли не благословлять и не благодарить Его *на всякое время*? При семъ, бр., христіане, нельзя, не замѣтить, что какъ солнечный свѣтъ,

по самой природѣ своей, озаряетъ и согрѣваетъ землю, живить и оплодотворяетъ ее: такъ точно дѣйствуетъ на душу нашу мысль о Богѣ, памятованіе Господа Вседержителя и Спасителя и прославленіе всецѣдой десницы Его. Воздухъ освѣжаетъ и оживляетъ человѣка, питаетъ и поддерживаетъ его: что же удивительнаго, если помни Господа Бога, восхваляя Его неизреченную благость къ намъ, мы одною мыслию о Богѣ освѣжаемъ и оживляемъ свою душу, молитвеннымъ воспоминаніемъ о Господѣ освѣщаемъ свой умъ, согрѣваемъ свое сердце и укрѣпляемъ на все доброе свою волю? Да, мысль о Господѣ Богѣ, памятованіе милостей и щедротъ Его, дѣйствительно, радуетъ и восторгаетъ нашу душу, придаетъ существу нашему особенную бодрость и силу, жизнь и теплоту, небесное озареніе и утѣшеніе.

Будемъ же, бр., непрестанно помнить Господа Бога, будемъ всегда, въ счастіи и несчастіи, благословлять Его, такъ какъ все въ мірѣ устроится по волѣ и поущенію Божію и всегда ко благу нашему. Аминь.

ДВИЖЕНІЕ СТАРО-КАТОЛИКОВЪ ВО ФРАНЦІИ.

Читателямъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, безъ сомнѣнія, извѣстно, что декретъ Ватиканскаго собора о непогрѣшимости папы вызвалъ сильный и энергическій протестъ со стороны развитой и мыслящей части католическаго міра, и былъ причиною движенія во всей римско-католической церкви. Движеніе это съ теченіемъ времени не только не успокоивается, а напротивъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры и становится съ каждымъ днемъ серьезнѣе. До сихъ поръ оно, въ слѣдствіе тѣхъ грозныхъ политическихъ событій, какія пережила Европа въ послѣднее время, и сосредоточивалось

наиболѣе сильно проявлялось въ одной Германіи; но въ настоящее время, когда политическія страсти начинаютъ мало-по-малу успокоиваться и вопросы политики снова получаютъ правильный и спокойный ходъ, къ этому движенію начинаютъ примыкать мало-по-малу и другія католическія страны. Такъ, по мѣрѣ внутренняго умиротворенія страны, не только спеціально-духовные, но и свѣтскіе французскіе органы чаще и чаще стали давать на своихъ страницахъ мѣсто статьямъ, такъ или иначе касающимся догмата о непогрѣшимости папы и его слѣдствій. Нѣтъ сомнѣнія, что присоединеніе къ дѣлу Франціи ускоритъ развязку этого весьма важнаго по своимъ послѣдствіямъ движенія. Такъ какъ это движеніе на самыхъ же первыхъ порахъ обнаружило весьма сильное стремленіе къ сближенію съ православною греческою и русскою церковию, и такъ какъ рано или поздно оно несомнѣнно дастъ весьма благопріятные результаты для Православія: то мы думаемъ, что будетъ не безинтересно, если мы время-отъ-времени станемъ сообщать о наиболѣе характерныхъ явленіяхъ изъ этого движенія въ католическомъ мірѣ. Въ предлагаемыхъ ниже строкахъ мы намѣрены познакомить читателей Епархіальныхъ Вѣдомостей съ письмомъ по этому поводу къ парижскому архіепископу доктора богословія и викарія прихода Магдалины въ Парижѣ Мишо (Michaud), которое помѣщено въ одномъ изъ февральскихъ №№ французской газеты «le Temps». Письмо это намъ показалось заслуживающимъ особеннаго вниманія какъ потому, что въ немъ мало-по-малу начинаютъ проясняться тѣ отношенія, въ какія намѣрена стать старо-католическая партія, отдѣлившись отъ римской церкви, а равно и то положеніе, какое она займетъ въ христіанскомъ мірѣ (яснаго опредѣленія чего не доставало до сихъ поръ движенію католиковъ въ Германіи), такъ и по энергіи и краснорѣчію этого письма и личности автора,

занимающаго одно изъ видныхъ мѣстъ въ католическомъ мірѣ и пользующагося въ немъ далеко не дюжиннымъ уваженіемъ и вліяніемъ.

«Нужно-ли признаваться предъ Вашимъ Преосвященствомъ; такъ начинается свое письмо Мишо,—что Парижъ заставляетъ меня почти сожалѣть о Вивь (*)? Ваше Преосвященство, конечно, не забыли о томъ прекрасномъ времени, когда вы такъ энергически вставали противъ ультрамонтанства и его представителя, когда вы не боялись сравнивать антикатолическія творенія этой партіи съ твореніями Лютера!... Поистинѣ, м. г., какъ жизнь подлѣ васъ въ то время должна была казаться пріятною!

Но, кажется, времена слишкомъ перемѣнились, и люди больше всего!... Какъ бы, впрочемъ, дѣло ни было, я имѣлъ поводъ надѣяться, что епископъ, бывший епископомъ Вивь, никогда не будетъ признавать ультрамонтанства съ строгостію *математическою*, и что онъ сумѣетъ сохранить, при защитѣ его извѣстный тактъ человѣка и даже епископа.

Я ошибся, м. г.! Въ недавнемъ разговорѣ съ однимъ изъ вашихъ архидіаконовъ, я предложилъ ему два слѣдующихъ вопроса:

1) Разрѣшаетъ-ли архіепископъ священникамъ въ своемъ діоцезѣ давать отпущеніе грѣховъ тѣмъ изъ вѣрующихъ, которые не признаютъ въ душѣ ультрамонтанскаго собора въ Ватиканѣ, и не вѣрятъ въ его догматы не менѣе ультрамонтанскіе?

2) Разрѣшаетъ-ли архіепископъ въ своемъ діоцезѣ совершать мессу тѣмъ ихъ священниковъ, которые въ глубинѣ души не вѣрятъ ни во всемірность этого собора, ни въ православіе его догматовъ?

(*) Вивь—одинъ изъ городовъ въ юговосточной Франціи, мѣсто первоначальнаго служенія настоящаго архіепископа парижскаго.

На эти два вопроса ваш архидиаконъ, отъ вашего имени, отвѣчалъ мнѣ *отрицательно*.

Такимъ образомъ, м. г., положеніе дѣла въ настоящее время вполне опредѣлилось. Ни священникъ, ни простой вѣрующій мірянинъ не могутъ болѣе предаваться иллюзіямъ: вы хотите, чтобы они не подчинялись только новымъ догматамъ, но еще и вѣрили въ нихъ внутренно. Такимъ образомъ вы хотите этимъ запятнать воспоминаніе не только о г. Дарбоа (Darbois) (*), но и о васъ самихъ

Тому, кто говоритъ о г. Дарбоа, вы, быть можетъ, укажете на письмо (допустимъ *предположеніе*), которое онъ написалъ Пію IX. Не зная подлинныхъ выраженій этого письма, еще не опубликованнаго, я не стану оспаривать его. Въ этомъ случаѣ я предпочитаю держаться буквально тѣхъ выраженій одного разговора, который я имѣлъ честь вести съ нимъ 30 марта 1871 года, за четыре дня до его ареста. Этотъ разговоръ относится и къ позднѣйшему времени, чѣмъ то письмо, о которомъ идетъ рѣчь; и, сверхъ того, *неопредѣленность оффиціального* языка г. Дарбоа не можетъ имѣть преимущества предъ откровенностію его интимнаго разговора въ глазахъ тѣхъ, которые знали его. Но вотъ его подлинныя выраженія: слѣдуя своему обычаю, я, по выходѣ отъ него, записалъ ихъ, и, кромѣ того, я хорошо ихъ помню.

«Принадлежа къ духовному сословію, говорилъ онъ мнѣ, вы, очевидно, не можете воставать противъ вашихъ представителей, ни нападать на папу, который смѣлѣе васъ. Поэтому по наружности и въ *оффиціальныя* отношеніяхъ вамъ нужно подчиняться этой непогрѣшимости и этому собору. Что-же касается до вашей совѣсти, то вы достаточно имѣете ума, знанія дѣла и честности, чтобы знать — съ какою цѣлію вы принимаете это. Они поведутъ дѣло искусно и будутъ

(*) Бывшій архіепископъ Парижа, убитый коммунистами, въ числѣ заложниковъ.

прекрасно говорить; ихъ догмать, поэтому, никогда не будетъ догматомъ *нелпымъ*, и ихъ собраніе *собраніемъ пономарей*. Живите поэтому въ мирѣ; всегда трудитесь и исполняйте ваши обязанности безъ мысли о нихъ».

Таковы, м г., послѣднія слова, какія онъ высказалъ мнѣ, и, вѣроятно, послѣднія, сказанныя имъ по этому вопросу. Вы, не позволите, конечно, считать ихъ священными. Я въ состояніи былъ бы привести и другія, но часъ ихъ еще не наступилъ.

Что касается васъ, то нѣкогда вы открыто заявляли, что партія ультрамонтанская — партія антикатолическая; но въ настоящее время вы третируете схизматиками и еретиками тѣхъ изъ католиковъ, которые остаются вѣрными этому воззрѣнію. Нѣкогда вы опредѣляли истину католическую *истиною всеобщю* — такою, которая признавалась *во всѣхъ мѣстахъ, всегда и всеми*, а теперь эта католическая истина для васъ есть не болѣе, какъ истина *римская*. Нѣкогда церковь католическая была собраніемъ всѣхъ церквей частныхъ, а въ настоящее время эта самая католическая церковь для васъ и вашихъ адептовъ, есть не болѣе, какъ Римъ, а Римъ, въ вашихъ глазахъ, есть папа и притомъ одинъ папа. Съ вашей точки зрѣнія и вашихъ адептовъ, католицизмъ есть папизмъ, и универсальность церкви Иисуса Христа есть индивидуализмъ его одного. Для васъ нѣтъ болѣе нужды въ Иисусѣ Христѣ, но нуженъ его намѣстникъ, и притомъ намѣстникъ, становящійся Его учителемъ, потому что Евангеліе у васъ подчинено въ настоящее время тому толкованію, какое даетъ ему папа.

Таковъ единственный и настоящій смыслъ и значеніе той непогрѣшимости и того единоличнаго всемогущества папы, которое призналъ, какъ догмать вѣры, соборъ Ватиканскій.

Онъ обозначаетъ, такимъ образомъ, полную переменъ того знамени, за которымъ идутъ христіане.

Но, если вся Франція, дорожащая частію, презритъ того солдата, который, давши клятву вѣрности національному знамени, дозволить опозорить его и разорвать на части, признавая въ немъ только знамя бѣлое, или знамя синее, или красное, то какимъ безчестіемъ занянаеть себя воинъ Христа, если, давши клятву вѣрности на жизнь и смерть знамени католичества, допуститъ профанировать это знамя и разтерзать его на части, думая, что оно обозначаетъ болѣе не католицизмъ, но ультрамонтанство!... не общество всѣхъ вѣрующихъ, но неограниченную волю, всемогущество и непогрѣшимость одного!... не Евангеліе Іисуса Христа, но собраніе папскихъ буллъ Боржіа бывшаго, или будущаго!....

Что касается до меня, м. г., то я никогда не сдѣлаюсь соучастникомъ въ такомъ злодѣяніи. Вслѣдствіе этого, посылая въ это же самое время просьбу о моемъ увольненіи отъ званія почетнаго каноника шалонскаго, я настоящимъ письмомъ имѣю честь просить у васъ объ увольненіи меня отъ викариатства прихода Магдалины.

Я очень хорошо знаю, м. г., что эта рѣшимость будетъ стоить мнѣ дорого, но сознаніе исполненія своей обязанности много облегчаетъ мнѣ трудъ самого исполненія.

Если бы отлученіе, которое вы, безъ сомнѣнія, не замедлите изречь противъ меня, должно бы было въ самомъ дѣлѣ отдѣлить меня отъ общества истинной католической церкви, то я боялся бы его. Но такое отлученіе, благодареніе Богу, не въ вашей власти. Все, что вы можете сдѣлать—это отлучить меня отъ общества церкви ультрамонтанской; а это совершенно бесполезно по той причинѣ, что я никогда не принадлежалъ къ этой партіи, вполнѣ всегда сознавая, что бездна отдѣляетъ католицизмъ отъ ультрамонтанства. Впрочемъ, каковы бы ни были условія, въ силу которыхъ удаляются изъ церкви ультрамонтанской съ тою цѣлію, чтобы остаться въ

церкви католической, они не могут быть слишком тягостными.

Но ради чего, — возражали мнѣ ваши друзья, — губите вы такимъ образомъ ваше прошедшее и ваше настоящее, прерывая связь съ католичествомъ римскимъ? — Я отвѣчалъ имъ, что мое будущее на небѣ, а мое настоящее — въ возможности оставаться истиннымъ католикомъ, въ свободѣ прямо говорить истину, и въ согласіи моей жизни съ моею совѣстію, и что это никогда не будетъ зависѣть отъ положенія. И дѣйствительно, лучшимъ доказательствомъ моей искренности служить то, что я повидаю положеніе выгодное во всѣхъ отношеніяхъ, не зная навѣрное какимъ образомъ Провидѣнію угодно будетъ дать мнѣ средства просуществовать завтрашній день. Но какъ это ни тяжело, все-таки я люблю болѣе честность съ бѣдностію, чѣмъ угрызенія совѣсти съ богатствомъ. Да, я предпочитаю жизнь тревожную и исполненную лишеній, но въ мирѣ съ моею совѣстію, жизни спокойной, но въ которой моя совѣсть будетъ подавлена; и несправедливости ультрамонтановъ, пусть будутъ они только отчасти ненавистны, отчасти насильственны, отчасти грубы, никогда не возвысятся въ моей душѣ до того, чтобы считать ихъ свойственными честнымъ людямъ и истиннымъ католикамъ.

На Тебя, Господи, уповахъ, я не постыжуся во стыкъ. На Тебя, Господи, я возложилъ свою надежду, и никогда не раскаюсь въ этомъ!

Но вы раняете авторитетъ церкви, — говорятъ мнѣ одни. Далекое не раняю, а напротивъ восстанавливаю. Вы, ультрамонтаны, позволили низойти ему до авторитета одного, а мы, истинные католики, истинно свободные и истинные консерваторы всѣ вмѣстѣ, хотимъ восстановить его на его первоначальномъ, божественномъ базисѣ. Мы нападаемъ не на истинный авторитетъ церкви, а на злоупотребленія, которые

вы дѣлаете изъ него. Мы не возстаемъ ни противъ законовъ, ни противъ божественнаго установленія церкви, а вооружаемся единственно противъ тѣхъ представителей, которые возстаютъ противъ этихъ законовъ и противъ божественнаго установленія церкви, которые обращаютъ вопросы государственные и свѣтскіе ко вреду цѣлой церкви, и колеблютъ ея основанія. Подчиняться тѣмъ, которые сами не подчиняются и нарушаютъ законы, значитъ слѣдовать обычаю не христіанскому, а іудейскому и языческому, значитъ держаться буквы, которая убиваетъ, а не духа, который животворитъ. Отъ этого гибнетъ чувство правды, отъ этого гибли народы. Отъ этого-то тѣ, которые своимъ преступнымъ согласіемъ поддерживаютъ и узаконяютъ прохоти неограниченной силы и тиранніи, являются такими же нарушителями порядка, какъ и тѣ, которые злоупотребляютъ свободою. И нѣтъ сомнѣнія, будетъ гибельно для Франціи, если она, въ особенности въ дѣлѣ религіи, не возвратится къ здоровому пониманію авторитета; и если она не рѣшится тотчасъ же любовью и уваженіемъ къ закону и конституціи поставить выше роболѣпія передъ начальниками и въ особенности такими начальниками, которые не опасаются сами роболѣпствовать для того, чтобы такимъ измѣнническимъ способомъ возвыситься надъ другими!

Но, говорятъ еще мнѣ, вы этимъ можете соблазнять другихъ.

Это правда. *Но кого?*— Людей низкихъ и фанатиковъ, а не людей мыслящихъ и искреннихъ. И *какимъ образомъ?*— Исполняя свою обязанность.

Эти двѣ причины, м. г., значительно уменьшаютъ и смягчаютъ, мнѣ кажется, мою виновность, если только тутъ есть виновность. Какъ бы, впрочемъ, дѣло ни было, священники и епископы, *публично принимающіе* новые догматы, и въ интимной бесѣдѣ смѣющіеся надъ всѣмъ, служатъ, на мой взглядъ, бѣльшимъ соблазномъ. Конечно, судъ Божій не за-

медлить обнаружить болѣе виновныхъ, иако тѣхъ поръ я угѣшаю себя мыслию, что и Иисусъ Христосъ также былъ предметомъ соблазна для синагоги, жрецовъ, книжниковъ и фарисеевъ. При томъ если есть соблазны, которые совращаютъ другихъ съ пути истины, то есть и такіе, которые утверждаютъ другихъ на этомъ пути, потому что тѣ, которые только устраняются отъ зла, являются уже для другихъ возбудителями къ подвигамъ добродѣтели. И если бы Франція представляла не много болѣе этихъ послѣднихъ примѣровъ соблазна, и не много менѣе первыхъ, то она, безспорно, не пала бы въ ту бездну, куда низвергъ ее *романизмъ*, или, лучше сказать, *цезаропанизмъ*.

Таковы, м. г., мои мысли. Если бы я стоялъ одинокимъ на сторонѣ отдѣлившихся, то я, конечно, могъ бы впасть въ крайнее раздумье. Но, благодареніе Богу, я не одинокъ. Хотя я не называюсь, какъ сатана, или какъ Интернаціоналка черная или красная, *легионъ*, совсѣмъ тѣмъ я принадлежу къ громадному множеству душъ, которыя думаютъ и вѣрятъ подобно мнѣ. Не говоря уже объ армянскихъ епископахъ, которые продолжаютъ отвергать вашъ соборъ, и не упоминая о пресвитерахъ и вѣрующихъ, находящихся въ Венгріи, Богеміи, во всей Австрійской Имперіи, въ Баваріи, въ Виртембергѣ и въ остальной Германіи, предпочитающихъ лучше подвергнуться вашему отлученію и вашему клейму въ ереси, чѣмъ вѣроотступничать, — нѣтъ ли во Франціи, Англии, Италіи и Испаніи, пресвитеровъ и большаго числа вѣрующихъ, думающихъ, что, по распоряженію верховнаго епископа, и не было на Ватиканскомъ соборѣ «истинныхъ и серьезныхъ препірательствъ»? Кто-же забылъ, какъ одинъ французскій епископъ прозвалъ это незаконное собраніе *фарсомъ Ватиканскимъ*, *ludibrium Vaticanum*? Что же касается до меня, то я доста-

точно знаю современное духовенство римской церкви, чтобы знать, что большое число пресвитеровъ и епископовъ, и притомъ наиболѣе выдающихся и болѣе образованныхъ, рѣшительно въ своей совѣсти отвергаютъ рѣшенія и опредѣленія этого незаконнаго судилища. Вотъ на что я надѣюсь и на что рассчитываю.

Наконецъ, чтобы сразу покончить со всѣми недоразумѣніями, вы, м. г., позволите мнѣ, въ заключеніе этого письма, высказать слѣдующіе два пункта:

Во-первыхъ, *я католикъ и останусь католикомъ*, слѣдуя не рѣшеніямъ неправославнаго ультрамонтанства, но держась единственно принципа древняго католичества, принципа, который одинъ есть истинное правило вѣры и который весьма вѣрно названъ *тѣмъ*, который «всюду, всегда и всѣми былъ признаваемъ», «*quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est*».

Во-вторыхъ, *я пресвитеръ и останусь пресвитеромъ*. Обязанный признать за вами въ настоящее время не силу права, а право силы, я не могу, — это не подлежитъ сомнѣнію, — отправлять своей обязанности въ церкви, которою вы, благодаря невѣжеству вѣрующихъ, управляете. Но мѣсто не имѣетъ отношенія къ силѣ и законности священнодѣйствій. Повсюду, куда будутъ приглашать меня вѣрующіе, богатые или бѣдные, я буду являться. Всякому, кто бы ни сталъ просить меня, я стану совершать таинство покаянія, брака, крещенія, евхаристіи, елеосвященія. Я стану сопровождать умершихъ до ихъ послѣдняго жилища, и читать тамъ положенныя церковію молитвы. Стану совершать свою мессу у себя въ домѣ. Такимъ образомъ поступали первенствующіе христіане во времена гоненій, и я слѣд. не ввожу чего-либо новаго, а только подражаю. Само собою разумѣется, я буду пользоваться правами, которыя даетъ мнѣ преслѣдованіе,

въ такой мѣрѣ, въ какой я буду въ силахъ переносить испытаніе.

Лишь только я получу возможность учить и проповѣдывать, я стану и учить и проповѣдывать. До того времени я стану писать; я стану писать съ цѣлю раскрыть то, что вы желаете держать скрытымъ, и разъяснить вѣрующимъ—гдѣ находится истинная церковь; и не только стану писать, но мои друзья и я станемъ дѣйствовать. Завтрашняго дня будетъ открытъ комитетъ дѣйствія; центръ его будетъ находиться у меня, но онъ будетъ находиться въ сношеніяхъ со всѣми другими комитетами Россіи, Германіи, Англіи, Италіи и Испаніи. И лишь только мы приобрѣтемъ достаточно матеріальныхъ средствъ для образованія единой церкви, для покрытія расходовъ по отправленію богослуженія, для содержанія священниковъ, которые присоединятся къ намъ, мы сдѣлаемъ это; и, не смотря на всѣ трудности, соединенныя съ этимъ дѣломъ, скоро явно обнаружится—для насъ или тѣхъ, которые будутъ послѣ насъ, кто выйдетъ окончательно побѣдителемъ—тѣ-ли, которые, признавая главою церкви Христа, подчиняютъ папу Его Евангелію, или тѣ, которые ратуютъ за папу, вытѣсняющаго Христа посредствомъ своихъ Syllabus».

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

Конференція Императорскаго Историко-Филологическаго Института, съ разрѣшенія высшаго начальства, симъ объявляетъ:

1) На основаніи § 33-го Высочайше утвержденнаго въ 27-й депъ іюня 1867 года устава, въ Институтъ принимаются молодые люди, достигшіе семнадцатилѣтняго возраста, которые или имѣютъ аттестаты въ знаніи предметовъ полного курса классическихъ гимназій и представляютъ одобрительныя свидѣтельства о своемъ поведеніи, или же, при такихъ же свидѣтельствахъ, съ успѣхомъ окончили курсъ въ философскомъ классѣ семинарій.

2) Желающіе поступить въ Институтъ обязаны до начала повѣрочныхъ испытаній, при прошеніи на имя директора, представить слѣдующіе документы: свидѣтельство объ ученіи и поведеніи, метрическое свидѣтельство, а лица податнаго состоянія, кромѣ того, увольнительныя отъ общества свидѣтельства.

